

Олег ЛЕЩАК

© 2001

О МЕТОДЕ, МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРАГМАТИЗМА В ЛИНГВИСТИКЕ

1

Проблема описания и обоснования какого-то типа методологических оснований неизменно влечет за собой выяснение самих понятий методологии и метода. Как известно, в восточно- и западноевропейских культурных традициях сложились различные представления о характере и границах методологии. Прежде всего это касается самой сути понятия: понимать ли под методологией некую науку, или же это философское учение, следует ли называть методологией совокупность оснований какого-то рода действий, или может быть все одновременно? Философский энциклопедический словарь определяет методологию как «систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» (ФЭС, 365). Понятно, что стиль и формат словаря понуждает к сжатости и смешению в одном понятии системы принципов и учения о ней может быть отнесено именно на счет формы изложения. Философский словарь под редакцией М.М.Розенталя и П.Ф.Юдина, правда, разводит эти понятия и определяет методологию, с одной стороны, как «совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке», а с другой, – как «учение о методе научного познания и преобразования мира» (С. 214). Как видим, здесь первое понятие гораздо уже и охватывает только свод приемов научного исследования, зато вторая часть несоразмерна первой и является учением о методологии в первом значении плюс еще учением о научном преобразовании мира, вполне в духе марксизма. Краткая философская энциклопедия 1984 года в статье «Учение о методе» подает понятие методологии как синоним заглавия статьи и определяет их как «исследование метода, особенно в области философии и в частных науках и выработка принципов создания новых, целесообразных методов» (С. 471). Как видим, здесь акцент полностью смещен на эпистемологическую сущность методологии, но зато понятие существенно расширено введением креативных возможностей. Трактовка методологии исключительно как учения в данном издании объясняется их широким пониманием метода, т.е. как «совокупности приемов или операций практического или теоретического освоения действительности» и как «способа достижения какой-то цели» (С. 266). Советский энциклопедический словарь 1983 г. на с. 795 определяет методологию науки как «учение о принципах построения, формах и способах научного познания». Таким образом, в русской традиции принято считать методологию не только учением о методах как технических способах достижения цели (например, научного познания), но гораздо шире, как учение о принципах и формах организации такого рода деятельности, более того, – креативной дисциплиной, вырабатывающей такие принципы и формы, и даже, хотя уже скорее чисто метонимически, – собственно саму

совокупность таких принципов, форм, приемов и способов. Кстати, Лингвистический энциклопедический словарь дает определение методологии в языкознании тоже как «учения о принципах исследования в науке о языке», которое «определяет подход к объекту языкознания, взаимоотношение между субъектом и объектом исследования, способ построения научного знания, общую ориентацию и характер лингвистического исследования» (С. 299). Несложно заметить, что в данной традиции принято включать в методологию: а) комплекс онтологических и эссенциональных вопросов об объекте и субъекте исследования; б) комплекс эпистемологических проблем, касающихся отношения познающего субъекта, познания и познаваемого объекта и в) комплекс собственно методических, технических проблем, связанных с организацией исследовательского процесса.

Совсем иначе обстоит дело в западной традиции, где методология трактуется несколько сужено, а именно рационалистически, как наука о методах научных исследований и о действенных способах изучения их познавательной ценности (Słownik, 1980) или в духе Поппера как «теория правил научного метода», иногда как «широко понятая логика» (См. Filozofia a nauka, 1987), а иногда и просто как «совокупность методов определенной науки» (См. Čermák, 1997:11), и четко отделяется как от онтологических, так и от эпистемологических аспектов деятельности. Обычно в польских энциклопедических источниках методологию относят либо к металогике либо к семиотике, при этом семиотика трактуется почему-то как «логика языка» (См. Mała encyklopedia, 1970:117). Отнесение методологии к таким образом понятой семиотике объясняется логико-позитивистской традицией понимать науку как совокупность предложений, истинность которых и должна оценивать методология (См. Filozofia a nauka, 1987:352, а также Mała encyklopedia, 1970:117). Методология в данной традиции занимается лишь методами и результатами научных исследований, из чего можно сделать вывод, что иные способы познания или методы проведения иных типов деятельности, а также предпосылки и условия научного познания методологию интересовать не должны. Подход такой является данью позитивистской специализации и сциентистского ограничения сферы познавательной деятельности исключительно границами науки.

Попытаюсь, не выходя за пределы именно такого, узкого, понимания методологии, определиться в вопросе: что такое методологические основания функционального прагматизма в лингвистике.

Начну с того, что задамся вопросом, что такое методологические основания. Очевидно, речь идет о том, что предполагается наличие некоего направления или течения в лингвистике, которое имеет свою специфику методологического характера. Чего именно касается эта специфика. Судя по определению методологии в западной традиции, к методологическим основаниям следует отнести: а) особенности понимания метода (или методов) научного (лингвистического) исследования и б) понимание особенностей познавательной ценности исследований, проводимых по этому методу. А значит, основной упор следует сделать на особенностях метода, применяемого в т.н. «функциональном прагматизме». Но что такое метод? Нельзя ведь говорить о конкретном методе, не выяснив, что под этим понимается.

Итак метод, судя по большинству словарей, – это синоним понятия способа, иногда – приема. Однако ни одно из этих понятий не является абсолютным. Это релятивные понятия, они требуют расширения за счет понятия того действия, методом, способом или приемом которого они являются. Все это т.н. обстоятельственные понятия. В лингвистике они обычно охватываются понятием образа действия. Когда мы говорим «метод», «способ» или «прием», мы сразу же задаемся вопросом «чего?». Аналогично, как в случаях «отец и мать» (чь?), «конец и начало» (чего?), «красное или зеленое» (что?), «быстро и легко» (что делать?).

Следует также разобраться в разнице между понятиями «способ», «прием» и «метод». Всякое понятие, рассматриваемое с позиций функционального прагматизма должно быть проверено на прагматику функционирования, т.е. на его применимость в различных кон-

текстах и классах понятий, иначе говоря пройти проверку на релевантность. Если говорить о границах применимости понятия «метод», то анализ различных контекстов позволяет предположить, что данное понятие означает не просто способ выполнения какого-то действия, но регулярный и упорядоченный способ, образ определенного ряда действий. Можно ли назвать методом некий одноразовый и совершенно случайный образ или способ единичного действия? Для того, чтобы образ действия стал способом действие должно произойти упорядочение поступательных актов, которые должны совершаться именно в такой, а не иной последовательности, так, а не иначе. Способ действия можно рассматривать как сингагматическое структурирование некоего сложного действия. Но, если способ действия становится регулярным и превращается в алгоритм, модель поведения для будущих актов, можно говорить, что он превратился в метод. По Чермаку, метод «понимается как объективный и повторяемый, проверяемый способ анализа» (Čermák, 1997:12). Переход способа действия в метод – акт парадигматического структурирования деятельности. Конечно речь ни в коем случае не идет о неких метафизических сущностях, которые сами по себе переходят друг в друга. Речь исключительно о психологических познавательных действиях, осуществляющихся иногда совершенно даже непроизвольно в сознании или подсознании исследователя.

Последний момент, на котором следует заострить внимание касается понятия того действия, образом или способом которого является метод. Может ли быть метод у единичного, бессистемного, случайного действия. Регулярность и упорядоченность, которые придает метод действиям порождает явление деятельности. Еще одна черта деятельности – наличие цели. Если я для решения какой-то задачи избираю тот или иной метод, более того, если я в ходе познавательной деятельности вообще обращаюсь к какому-то заранее установленному, упорядоченному и регулярному способу – методу, значит я осуществляю целенаправленную деятельность. Как видно из предложенной здесь гипотезы формирования метода, уже само по себе понятие метода как повторяемого упорядоченного целенаправленного образа познавательной деятельности должно, по идее, исключать такие, например, типы философствования, как постмодернистическое. Но я думаю, что аметодизм и антиметодологизм постмодернистического образа мышления мнимый. Иное дело, что он не вписывается в узкие рамки методологии по-позитивистски. Зато в рамки русского определения методологии постмодернизм прекрасно вписывается. Вообще на фоне русской методологической вольницы постмодернизм по-французски или по-американски выглядит как довольно строгая и точная наука.

2

Однако вернемся к теме определения сущности методологических оснований функционального прагматизма в лингвистике. Предложенная узкая трактовка методологии на вопрос «метод чего?» заставляет однозначно ответить: «метод научного исследования», а если речь идет о функциональном прагматизме в лингвистике, то, понятно, «метод лингвистического исследования». Значит ли это, что, тем самым, я соглашаюсь с неприменимостью определенных функционально-прагматических методологических оснований к иным сферам познания (к этике обыденной жизни, к искусству, к политике, к обучению, к организации труда или досуга). Конечно, нет. Я оставляю за собою право рассматривать функциональный прагматизм как более широкий философско-семиотический подход, который здесь рассматривается исключительно применительно к лингвистическому исследованию. Т.е. здесь речь идет о функционально-прагматических основаниях проведения лингвистического исследования, что совершенно не значит, что применительно к психологии или литературоведению я бы вел речь о каких-то других основаниях. Таким образом, сразу оговорюсь, что понятие «функционально-прагматические методологические основания» значительно шире понятия «методологические основания функционального прагматизма в лингвистике» и включает это последнее как общее включает частное.

Однако такая постановка проблемы ставит под вопрос самодостаточность методологии как учения о методе. Если метод проведения исследований в лингвистике подчинен не-

ким основаниям, выходящим за пределы сферы лингвистики и могущим быть распространенными, например, на другие гуманитарные науки, то оказывается, что определение и изучение подобного метода должно начинаться на метатеоретическом и междисциплинарном уровне. Но это порождает конфликт между понятием метода и понятием методологических оснований, поскольку метод познания немалозначим без конкретного типа познавательного действия, а познавательные действия как действия интенциональные немалозначимы без объекта, на который они направлены. Если так, то получается, что не может быть назван одним и тем же методом способ проведения различных типов познавательных действий, проделанных с различными по типу и характеру объектами. Возьму пример из лингвистики. Описание звуков речи, механизмов их артикулирования и описание фонем – это три разных описания, три разных типа познавательных действий. В одном случае мы сопоставляем актуальные акустические сигналы с некоторой системой норм произношения и фиксируем сходства и отличия, во втором – пытаемся связать акустический сигнал с работой артикуляционного аппарата, опираясь в определенной степени на интроспекцию, а в значительной степени на теоретические знания, поскольку чаще всего мы не имеем непосредственного зрительного доступа до «описываемого» явления, в третьем же случае мы полностью опираемся на собственное языковое мышление и на теоретические посылки исследования. Поэтому расхождения в описании первого типа (при наличии равных психо-физиологических характеристик исследователей) будут гораздо меньше, чем в последнем случае. Метод структурного анализа, примененный к тексту как графическому феномену и тексту как смысловому феномену даст совершенно отличные результаты. То же касается исследования функционирования данного текста как художественного произведения. Если исследователь полагает, что текст обладает собственным имманентным смыслом и содержанием, а его задача обнаружить этот смысл и это содержание, то даже если он применит метод компонентного или системного анализа, структурного или функционального анализа, результаты, к которым он придет будут иными, чем те, к которым придет использовавший аналогичную методику исследователь, считающий, что текст – это всего лишь графическая форма, требующая индивидуального осмысления.

Встает вопрос, может ли один и тот же метод в абсолютно равной степени быть применен в различных дисциплинах, или к совершенно различным по своей природе объектам. Можно ли применять метод наблюдения, если объект исследования абстрактное понятие? Станет ли исследователь применять структурный метод к объекту, являющемуся по его убеждению изначально неделимой целостностью? Можно ли методом логического анализа исследовать чувственное переживание или интуитивное предчувствие? Будет ли идентичным логический анализ математической формулы и фразы Жванецкого «Пойти за большими по пять вчера?» Вряд ли можно одним и тем же методом изучать конкретную собаку, собак как зоологический вид, понятие о собаке как элемент человеческой картины мира, русское слово «собака», форму именительного падежа единственного числа «собака», фонетическое слово [сбакъ] в норме русского литературного произношения и в речи конкретного носителя языка. Различаться здесь будут не только объекты, но и сами виды и цели познавательной деятельности. Первый аспект будет интересоваться ветеринара, второй – зоолога, третий – антрополога или психолога, четвертый лексиколога или семасиолога, пятый – морфолога, шестой – фонетиста или фонолога, а седьмой – педагога, логопеда или дефектолога.

Получается, что понятие метода как вторичное обстоятельственное понятие всецело подчинено типу познавательной деятельности, методом которой он является, понятие же познавательной деятельности, в свою очередь, также вторично, ибо зависит от того, что познается. Как писал когда-то выдающийся польско-русский языковед Николай Крушевский, «науку не называют по ее методу, но по ее предмету». Таким образом, оказывается, что метод подчинен, с одной стороны, типу познавательной деятельности, а с другой, – предмету этой деятельности. Сам же по себе метод – лишь техническое орудие в руках

исследователя и не может управлять ни выбором для предмета, ни выбором типа познавательной деятельности.

Возьмем пример из истории гуманитарных наук. Можно ли считать одним и тем же методом структурный метод логического изучения языка как чистой объективной формы (как его применял Луи Ельмслев), структурно-дистрибутивный метод описательного изучения языка как физиологического феномена (как его применяли дескриптивисты) и структурно-функциональный метод прагматического изучения языка как социально-психологической деятельности человека (в применении пражцев)? Тем не менее, в истории языкознания все эти подходы называются структурализмом на том основании, что они применяли один и тот же метод структурного анализа. И какое отношение хотя бы к одному из этих типов «структурализма» имеет т.н. структурализм в послевоенном литературоведении и культурологии, где литературные жанры, тексты, образы или явления культуры рассматривались как самодостаточные конструктивные сущности, бытующие в той или иной культуре? А если во всех этих случаях следует вести речь о совершенно различных методах, то тогда что такое методологические основания того или иного направления в науке или философии. Определяются ли эти основания методом или же, наоборот, это основания детерминируют применение того или иного метода?

Однако, если метод – это абсолютно пассивное орудие, зависящее от некоторых предварительных установок, касающихся сущности и границ объекта, а также характера познавательной деятельности, то не окажется ли, что вообще бессмысленно говорить о каких-то методологических основаниях, метатеоретически возвышающихся над методом и оговаривающих его применение в той или иной сфере, относительно того или иного объекта. Отнюдь. История науки подтверждает возможность применения одних и тех же методологических оснований в разных сферах и к разным объектам.

Если сравнить результаты применения прагматиками своих методов в области языкознания (Матезиус, Трубецкой, Карцевский, Горалек, Данеш, Докулил) т в области литературоведения (Мукаржовский, Якобсон) можно без труда обнаружить определенное единство подхода и признаки того, что обычно называют школой. Если сравнить психологические и литературоведческие работы Выготского, остается такое же впечатление единства методологических оснований даже в тех случаях, когда он применяет совершенно разные методы. При всем различии бихевиоризма и рефлексологии в методике исследования механизмов психики, на поверку оказывается, что методологические основания этих направлений идентичные.

Поэтому я смею предположить, что не методологические основания теории или концепции зависят от методов, применяемых в ходе исследований, а методы, используемые в исследовании представителями той или иной теории зависят от определенных методологических оснований. Именно методологические основания, т.е.: а) онтологические и эссенциальные основания определения объекта, б) эпистемологические ограничения и условия познавательной деятельности и в) собственно технические ограничения, налагаемые на методику проведения исследований определяют принципы и характер познавательной деятельности. Таким образом, я вернулся к тому, с чего начал, т.е. к более широкому пониманию методологии. Узкая, сциентистская, позитивистская трактовка методологии не удовлетворяет требованиям функционального прагматизма, поскольку не объясняет ни применимости понятия «метод» в философии или конкретных науках, ни разноречия в применении казалось бы одних и тех же методов в различных сферах науки или представителями научных школ, ни, наоборот, методологического единства таких школ при проведении своих исследований в различных научных школах.

3

Что же касается методологических оснований функционального прагматизма, то их я уже попытался продемонстрировать в ходе данного анализа понятия «метод». Суть же этого подхода состоит в следующем.

Понятие функциональный прагматизм содержит в себе две генеральные посылки, а именно – онтологическую (понятие функции) и эпистемологическую (понятие прагматики).

Первое предполагает, что своим объектом данное направление видит *функциональное отношение*. Это не значит, что функциональный прагматизм ограничивает свой объект до функциональных отношений, элиминируя все остальное. Просто все, что может быть исследовано с этих методологических позиций должно рассматриваться как *функция*. Будучи дуалистическим подходом, функциональный прагматизм, требует различения *субстанциальных* и *процессуальных* функций, а также *ролевых* и *актуальных* функций. В этом функциональный прагматизм продолжает развитие взглядов Канта, выделившего две способности человеческого восприятия (пространство и время) и, как следствие – три базисных типа мыслительных единиц – понятие о субстанции, понятие о процессе и понятие о взаимоотношении.

Применительно к лингвистике онтологический базис функционального прагматизма выглядит следующим образом: основной объект исследования – языковая деятельность человеческого индивида (прежде всего самого исследователя, а по аналогии и семиотическим следам – иных носителей языка). Языковая деятельность – коммуникативно-семиотическая социально-психическая функция человеческой деятельности.. Это значит, что как коммуникативно-семиотическая функция она обеспечивает связь психической деятельности данного индивида с психической деятельностью другого индивида через коммуникацию при помощи конвенциональной семиотической системы (языка). Что же касается социально-психического характера языковой деятельности, то данный аспект включает в себе признание, что языковая деятельность по онтологическому характеру является такой психической функцией, которая призвана обеспечить совместное функционирование субъектов языковой деятельности в обществе себе подобных. Удовлетворительно функционировать в обществе индивиды будут лишь в том случае, если их языковые деятельности синхронизированы и конвенционализированы.

Языковая деятельность включает в себя три принципиально отличных вида структурных функций: *потенциально-инвариантную ролевую функцию (язык)*, *процессуально-деятельностную реляционную функцию (речевые акты)* и *результативно-продуктивную функцию (речь как текст)*. Каждая из этих составных представляет собой некоторое отношение. Например, язык есть ролевое отношение психической деятельности к речи и речевым актам, речевые акты представляют собой деятельное отношение языка к мыслительной интенции и мыслительной интенции к речи, речь же представляет собой отношение речевых актов к разным типам сигнализации (звуковому или графическому потоку, например). В пределах языка также выделяются две ролевые функции, такие как *информационная база* или лексическая система (отношение картины мира к внутренней форме языка) и *внутренняя форма* или грамматическая система в широком смысле (отношение лексической системы и мышления к речевым актам). Такими же ролевыми функциями являются составные информационной базы – *языковые знаки* и составные внутренней формы – *языковые модели*, причем как модели образования синтаксической или фонетической речи, так и модели образования новых знаков, как ситуативно-стилистические модели, так и модели контроля за речевыми актами. Деятельными функциями являются отдельные речевые акты, причем как продуктивные, так и репродуктивные, как внутренние, так и внешние. Результативными функциями являются все единицы речи, причем как синтаксические, так и фонетические или графические. Как видим, онтологическая база данного подхода выдержана в монистическом ключе, поскольку принципиально не выводит языковую деятельность за пределы человеческой психики. С эссенциальной же точки зрения, это дуалистическая теория, поскольку принципиально разводит субстанциальные и процессуальные единицы.

Еще одной особенностью эссенциальной теории функционального прагматизма является стремление установления как можно большего количества границ, т.е. как можно

большая дискретизация, квантификация, парцелляция объекта для последующего установления функциональных связей и отношений между выделенными элементами. Такая процедура носит уже чисто эпистемологический характер, но здесь она меня интересует не как познавательная процедура, а именно как способ понимания объекта Дело в том, что понятие функции утрачивает смысл, если нет различия. В пределах нерасчлененного единства или в абсолютно континуальном потоке нет и быть не может никаких функций, ни как ролевых установок, ни как отношений связи сходства, смежности, продуктивности или атрибутивности. Поэтому функциональный прагматизм не приемлет в качестве главенствующего принципа столь популярное ныне уничтожение границ. Но в той же степени неприемлемо для данного подхода и метафизическое понимание таких границ, поскольку любой объект определяется здесь только через связь с окружением и через выполняемые им ролевые функции.

Что же касается второй составной данного подхода – прагматической эпистемологии, – то ее основные положения принципиально не отличаются от агностических оснований теории Канта и фаллибилических положений прагматизма В.Джемса, Ф.К.С.Шиллера и Д.Дьюи. Познание представляет собой процесс вспомогательный и служит обеспечению жизнедеятельности. Знание – это информация, призванная обеспечить удовлетворительность нашей деятельности. Объект познания формируется вследствие функционального соотношения предыдущего знания, интенции и фактов конкретной деятельности. Познавательный акт – это процесс установления функционального непротиворечивого отношения между предварительным знанием, гипотезой и методичным исследованием объекта. Истина – это оценочная характеристика знания, которое на данный момент выполняет свою функцию удовлетворительно. Истина в функционально-прагматической эпистемологии, как и знание, имеет характер функционального отношения, но, в отличие от знания, это не ролевая, инвариантная функция, а функция процессуальная. Здесь истина рассматривается как величина количественная и интенсивная, т.е. она может «присутствовать» в большей или меньшей степени в зависимости от того, насколько т.н. «истинное» знание удовлетворяет наши потребности. Одно и то же знание в различных типах деятельности или в различных ситуациях может быть как истинным или ложным, так и безотносительным к критерию «истинности / ложности». Поскольку «истинность» является процессуальной функцией, она может постоянно изменяться в зависимости от условий функционального отношения, например в зависимости от изменившихся внешних обстоятельств познавательной деятельности или же в зависимости от изменений системы взглядов или интенции субъекта. В отличие от «истинности» знание как ролевая функция более консервативно. Усугубляется это его принципиально качественным характером. Изменение качества знания сравнительно редкое явление. Система знаний и моделей (стереотипов) поведения имеет тенденцию к гомеостазу и обычно противоборствует резким, т.е. качественным изменениям. Эта гипотеза позволяет объяснить мифологизм и догматизм человеческого мышления, а также тот факт, что нам легче переинтерпретировать новое явление по старым законам нашей системы, чем изменить свои взгляды в угоду новому факту.

Что же до конкретных методов исследования, то они могут быть самыми разнообразными. Функциональный прагматизм априорно не ограничивает себя в этом вопросе никакими рамками. Поскольку среди его объектов могут встретиться, например, семантические функции (значения терминов, лексические понятия и значения, суждения, оформленные в виде предложений и т.д.) здесь могут быть применены и феноменологический анализ, и логический анализ, и метод интроспекции, и классификационно-квалификационный метод, и метод структурно-семантического анализа, и метод моделирования, и метод дефиниций. В случае исследования результативных или деятельных функций можно с успехом применять метод функциональных подстановок, реконтекстуализации, трансформации единиц, дистрибутивно-дескриптивный метод, метод наблюдения и описания и множество других. Ни один из этих методов сам по себе не обла-

дает какой-то имманентной доказательной силой. И само его применение, и результаты его применения полностью зависят от тех методологических установок, которыми руководствуется исследователь.

Что до глобальных методологических характеристик функционально-прагматической лингвистики, то к ним следует отнести, прежде всего методологический холизм (неизбирательность в выборке языковых/речевых данных, комплементарность и допустимость всех без исключения методик исследования, попытка учета и согласования, а также включения в собственное исследование теоретического и практического опыта как можно большего количества исследователей), методологический плюрализм (допуск альтернативных языковых/речевых данных, допуск альтернативных путей достижения прагматически успешного результата, допуск и учет альтернативных взглядов на исследование или его объект) и методологический релятивизм (принятие условности любого знания, оценка результатов исследования через отношение к специфике объекта исследования, познающего субъекта или относительно процедуры исследования, предпочтительность фальсификационных способов практической проверки знания перед верификационными).

В частнонаучном отношении (лингвометодологическом) функциональный прагматизм характеризуется: а) психосемиотическим динамизмом (дуализмом содержания и формы, интенции и экспликации, инварианта и факта, а также ориентированностью на динамику реализации интенций), б) активным коммуникативизмом (ориентированностью на практику общения, на коммуникативный интерес носителя языка), в) индивидуализированностью (ориентацией на индивидуальную языковую способность, в первую очередь, свою собственную и конкретные коммуникативные ситуации, прежде всего, с личным участием). г) структурностью (стремлением к вычленению как можно большего числа элементов, свойств, признаков объекта и аспектов исследования), д) системностью (ориентированностью на включение в исследование, согласование и синхронизацию максимального количества аспектов, а также на охват максимального количества необходимых объектов, их элементов, признаков и свойств), е) дедуктивностью (стремлением к выдвиганию как можно большего числа альтернативных гипотез и генерализирующих представлений), ж) прагматической объяснительностью (стремлением дать практически ценное, инструментальное знание для ориентации в будущем опыте) и, наконец, з) стремлением к максимальной концептуальной и терминологической эксплицированности (четкости понятий, оговариванию терминов, строгости описания и аргументированности объяснения). По указанным параметрам функционально-прагматическая лингвистика не может быть отнесена ни к формально-эмпирической описательно-позитивной лингвистике, ни к рационалистически ориентированным формам структурализма или генеративизма, ни к интуитивистским разновидностям когнитивной лингвистики. Данное методологическое направление нельзя считать совершенно новым, но, в силу целого ряда социально-исторических обстоятельств оно практически не развивалось во второй половине этого века, хотя потенциал его по-прежнему весьма высок. Особенно заметен он на фоне «постмодернистического переворота», произошедшего в европейской культуре конца XX века и поставившего перед учеными вопрос существования самой науки как формы рефлексии и культурной экзистенции.

ЛИТЕРАТУРА

- Джеймс У. Воля к вере.– М.: Республика, 1997.– 491с.
Джемс В. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления // Джеймс В. Прагматизм.– К.: Украина, 1995.– С. 3-154.
Краткая философская энциклопедия.– М.: Прогресс, Энциклопедия, 1984.– 576 с.
Лингвистический энциклопедический словарь.– М.: Советская энциклопедия, 1990.– 685 с.
Методологические основы новых направлений в мировом языкознании.– К.: Наукова думка, 1992.– 380с.
Наливайко Н.В. Гносеологические и методологические основы научной деятельности.– Новосибирск: Наука, 1990.– 118 с.

- Ньюмейер Ф.Дж. Спор о формализме и функционализме в лингвистике и его разрешение // Вопросы языкознания.– 1996.– № 2.– С. 43-54.
- Павлова Л.Е., Гуревич П.С., Хорьков М.П. Философское благовестие прагматизма // Джеймс У. Воля к вере.– М.: Республика, 1997.– С. 394-408.
- Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания.– 1996.– № 2.– С. 19-42.
- Серио П.В. поисках четвертой парадигмы // Философия языка в границах и вне границ.– Харьков: Око, 1993.– Вып. 1.– С. 37-52.
- Советский энциклопедический словарь.– М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Философский словарь под редакцией М.М.Розенталя и П.Ф.Юдина.– М.: Политиздат, 1968.
- Философский энциклопедический словарь.– М.: Советская энциклопедия, 1983.
- Čermák F. Základy lingvistické metodologie. Nastín hlavních principů na pozadí obecné teorie vědy, Praha: Karolinum, 1997, 98 s.
- Fife J. Funkcjonalizm jako szkoła językoznawcza // Noam Chomsky: Inspiracje i perspektywy, Warszawa: PTS, 1991, ss. 183-188.
- Filozofia a nauka. Zarys encyklopedyczny, Wyd. PAN, 1987
- Mała encyklopedia logiki, red. Witold Marciszewski, Wyd. Zakładu Naukowego im. Ossolińskich, 1970
- Słownik wyrazów obcych, PWN, 1980.
- Tulka J. Věda a vědecká metodologie (I), Pardubice, 1995, 76 s.